

ОЦФРОВАНО
РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«ВОЕННЫЙ СБОРНИК»

ПОЛЕВОЕ ОТДѢЛЕНИЕ ОФИЦЕРСКОЙ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ШКОЛЫ

ВЪ «ПОСТАВАХЪ»

И ЗНАЧЕНІЕ ЕГО, НАНЪ ДВИГАТЕЛЯ НАШЕЙ КОННИЦЫ ¹⁾.

войсковыхъ охотахъ офицерской кавалерійской школы упоминалось неоднократно въ періодической военной печати. Въ № 199 газеты «Русскій Инвалидъ» за минувшій годъ, я помѣстилъ краткую замѣтку объ охотахъ младшаго курса, имѣвшихъ мѣсто съ 15-го по 29-е августа, обѣщавъ тамъ же напечатать болѣе подробный отчетъ о занятіяхъ въ Поставахъ, ихъ организаціи и вообще описать мое двухмѣсячное тамъ пребываніе, по окончаніи полевого сезона. Это я и намѣренъ сдѣлать теперь.

Съ тѣхъ поръ, какъ имѣется въ школѣ стая парфорсовыхъ собакъ,—а это уже 4 года (первые 2 года войсковыя охоты производились въ Новгородской губерніи)—меня, правда, приглашали въ качествѣ гостя ежегодно. Но Новгородская губернія столь удалена отъ Варшавы, что ѣхать въ такую даль, бросая эскадронъ, не представлялось возможнымъ. Въ прошломъ году охоты производились уже въ Поставахъ, и эскадрона у меня не было; тѣмъ не менѣе, принять участіе въ этомъ, чисто кавалерійскомъ и любимомъ мною спортѣ, не удалось.

Въ этомъ году я выхлопотать себѣ отпускъ и, записавшись предварительно въ состоящее подъ покровительство Августѣйшаго Генераль-Инспектора кавалеріи при той же школѣ общество парфорсной охоты, собрался въ путь.

Заручившись согласіемъ чуть ли не всѣхъ своихъ прямыхъ начальниковъ, я подавъ рапортъ о разрѣшеніи мнѣ отправиться въ Поставы для участія въ парфорсовыхъ охотахъ школы, попросилъ и разрѣшеніе взять съ собою казенную прислугу и вѣстового для присмотра за моими двумя отправляемыми туда собственными лошадьми. Хотя я не ходатайствовалъ о командированіи меня, а объ увольненіи въ отпускъ, хотя я не просилъ, очевидно, ни копейки на дорогу, тѣмъ не менѣе, переговоривъ послѣ подачи рапорта съ адъютантомъ, пришлось дѣйствительно убѣдиться, что рапортъ мой не такъ написанъ, какъ слѣдуетъ. Ѣхать на 20 дней въ «какія то Поставы» для того, чтобы участвовать въ «какихъ то охотахъ»—почему, зачѣмъ? все это не могло удовлетворить нашей военной бюрократіи, бюромании или какъ тутъ выразиться, право, не знаю!

«Вѣдь всѣ начальники согласились, сочувствуютъ...» сказалъ я.

«Да, я понимаю, отвѣтилъ невольный представитель бюрократіи, но, все-таки, согласиться, сочувствовать—одно, а оформить на бумагѣ—другое дѣло. Напиши лучше: *по крайнимъ домашнимъ обстоятельствамъ*—и дѣло въ шляпѣ!»

«Ну хорошо; для меня главное попасть туда, а по какимъ обстоятельствамъ—мнѣ рѣшительно все равно». Въ Германіи, Австріи, Франціи сказали бы спасибо, дали бы людей, лошадей, денегъ на дорогу, радуясь тому, что кавалеріецъ ѣдетъ учиться своему главному дѣлу: головоломной ѣздѣ по мѣстности, упражняться въ томъ, что можно смѣло прправлять стрѣльбѣ артиллериста или гѣхотинца. А у насъ, несмотря на сочувствіе и разрѣшеніе, и то никакъ не выберешься! Человѣкъ хочетъ ѣхать на собственный счетъ, готовъ везти двухъ собственныхъ лошадей и двухъ нижнихъ чиповъ, что составитъ значительный расходъ; рискуетъ поломать кости себѣ и имъ (понятно не нижнимъ чипамъ, а лошадямъ)—этого мало. Надо еще оформить дѣло, вѣриже, сочинить крайній предлогъ. Въ Ниццу, Монте-Карло можно съѣздить когда угодно, но на парфорсную охоту гѣтъ! Правда, лагерный сборъ не оконченъ, да осталось то же окончаніе его всего двѣ недѣли. Двадцать два такихъ сбора я уже отбылъ—не пропадетъ же Россія, если пропущу двадцать третій!

Но довольно разсуждать;—нагрузилъ я своихъ кобылъ и ѣду «по крайнимъ домашнимъ обстоятельствамъ» въ Виленскую губернію, гдѣ никогда передъ этимъ не пришлось бывать, гдѣ у меня къ несчастію дома не имѣется, а потому связанныхъ съ нимъ обстоятельствъ, да еще крайнихъ, не можетъ для меня существовать. Люди мои, одинъ московскій, другой курскій, ѣдутъ тоже въ отпускъ въ

¹⁾ Статья написана въ декабрь 1901 г., согласно чему сдѣланы всѣ опредѣленія времени.

ту же Виленскую губернію по домашнимъ обстоятельствамъ — только для нихъ это оформлено иначе, вѣроятно: «для раздѣла имущества» — бюрократія удовлетворена!

Если выбраться изъ Варшавы было не легко, то за то меня ожидать въ Поставахъ 8-го сентября пріятный сюрпризъ. Възѣдствіе ходатайства начальника охоты генераль-маіора Брусилова у Августѣйшаго Генераль-Инспектора кавалеріи, прибывшаго въ Поставы, Его Императорское Высочество разрѣшилъ мнѣ оставаться тамъ до конца сезона, милостиво измѣнить мой отпускъ въ командировку.

Вернемся теперь къ моему путешествію. Мы размѣстились поудобнѣе вдвоемъ съ однимъ изъ ѣдущихъ туда же штабъ-офицеровъ, кандидатовъ на получение полка; поѣли, кажется въ Вильнѣ, хорошенько, говорили много о школѣ, объ охотахъ — и заснули сномъ праведнымъ. Снится мнѣ мѣстечко Поставы, о которомъ много слышалъ: отличный климатъ, дозволяющій ѣздить до поздней осени въ кителяхъ, мало такихъ мѣсть, гдѣ могутъ произойти большія потопки, хорошиі, мягкіи, не тонкіи, но и не скользкіи, весьма эластичный грунтъ, сохраняющій конскія ноги, плечи, да и кости и зубы ѣздоковъ (въ случаѣ неизбежной «рѣдьки»). Около самого мѣстечка выстроены громадныя замки — дворцы, съ помѣщеніями на 150 офицеровъ, отличная конюшня на больше, чѣмъ 250 лошадей, казарма на столько же нижнихъ чиновъ. Устроено роскошное офицерское собраніе съ громадною залою. Кормятъ великолѣпно, поварь французъ. Миловидная дама стоитъ за буфетомъ и граціозно разливаетъ рюмки — вотъ все это, покаместъ поѣздъ мчится, я вижу во снѣ. Вижу еще, что въ собраніи есть фортепьяно, бильярдъ, читальня. Къ зданію прилегаетъ паркъ съ громаднымъ озеромъ. Въ свободное время въ паркѣ играютъ въ крокетъ, лоуиъ-теннисъ, футъ-болъ: по озеру катаются на лодкахъ или занимаются паруснымъ спортомъ. Есть и экипажи: тройка и «форъ-инъ-хепдъ», т. е. четверка цугомъ. Восторонъ выстроена царя, есть и свой звѣринецъ. Постройки всё деревянные, но отличаются прочностью и большимъ вкусомъ, напоминая заграничные курорты, особенно вечеромъ, когда все освѣщено.

Да, что и говорить, все это устроено весьма роскошно, по вѣдъ казна, говорятъ, отпустила на устройство полевой школы кавалериста, признанной всѣмъ міромъ лучшей его боевой подготовкою, больше ста тысячъ одновременно! и даетъ 30.000 ежегодно на со-

держаніе полевого отдѣленія школы! Это вѣдь деньги! На нихъ можно и устроить кое-что, и вести дѣло. Правда, что все устроено удобно, практично, полезно...

«Станція Свѣтляны!» послышался голосъ кондуктора: — я проснулся, разбудилъ моего спутника, вспомнивъ, что тутъ надо выходить, пересѣсть въ вагонъ узкоколейной желѣзной дороги. Мы это сдѣлали и черезъ 3—4 часа времени были на мѣстѣ, т. е. въ Поставахъ, громадномъ имѣніи графовъ Пржездецкихъ.

Осмотрѣвшись тамъ на другой день на мѣстѣ, я пришелъ къ заключенію, что существуетъ въ мірѣ что-то психологически необъяснимое, что-то, чего мы еще понять не въ состояніи, какъ, напримеръ, четвертаго измѣренія, а именно: что можно увидѣть во снѣ мѣсто, въ которомъ вы никогда прежде не бывали, но узнаете его со всѣми почти подробностями. Такъ случилось и тутъ. Все видѣнное мною во снѣ, не исключая миловидной блондинки (жены антрепренера-француза), было на лицо и представилось еще роскошнѣе, практичнѣе. Одно оказалось лишь простымъ сновидѣніемъ, а именно, едиповременный денежный отпускъ въ 100 тысячъ и ежегодная субсидія въ 30 тысячъ на содержаніе полевого отдѣленія офицерской кавалерійской школы. Казна отпускаетъ на это полезнѣйшее дѣло ничтожную сумму, а штатный соответственный отпускъ существуетъ лишь какъ проектъ. Пока все содержится на деньги, жалующія Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ и нѣкоторыми особамъ Царской Семьи, благоволившими принять званіе почетныхъ членовъ «общества парфорсной охоты»: затѣмъ подмогою служатъ взносы членовъ этого общества, состоящаго, какъ выше упоминалось, подъ покровительствомъ Августѣйшаго Генераль-Инспектора кавалеріи.

Германія, Австрія, Франція тратятъ миліоны на усовершенствованіе своей конницы: — Ганноверская парфорсная охота стоитъ Германіи ежегодно больше 200.000 марокъ. Мы въ этомъ отношеніи отстаемъ отъ Запада, скупясь на расходы для рода оружія, могущаго въ день объявленія войны окунуть всё издержки стократно, или же, вслѣдствіе недостаточной подготовки и невтянутости въ современныя требованія, оказаться лишнимъ и бесполезнымъ бременемъ для государства. Мы еще никакъ не можемъ привыкнуть къ мысли, что для кавалерійскаго офицера парфорсная охота, стипльчезъ и т. д. — не что иное, какъ также состязательная стрѣльба для офицеровъ другихъ родовъ оружія. На постройку броненосца, орудія, ружья, деньги охотно ассигнуются — центральное же полевое ка-

кавалерійское учрежденіе, залогъ будущихъ успѣховъ нашей конницы на полѣ брани, существовало до сихъ поръ на пожертвованныя деньги и членскіе взносы частнаго общества.

Этихъ средствъ не хватило бы, если бы не нашлись люди, именно владѣльцы имѣнія Поставы, добровольно воздвигнувшіе на свой счетъ все эти роскошныя постройки взаменъ получаемыхъ ежегодно нѣсколькихъ тысячъ рублей, имѣющихся, какъ только-что объяснено было, въ распоряженіи парфорснаго общества: школа тоже аспигуется изъ своихъ суммъ извѣстную подмогу. Большая заслуга принадлежитъ начальнику охоты и руководителю занятій генералу Брусилову, нашедшему мѣсто и столь предупредительныхъ хозяевъ; сумѣвшему, кромѣ того, организовать при такихъ трудныхъ и ненормальныхъ условіяхъ войсковыя учебныя охоты, направивъ эти упражненія на настоящій путь. Это сдѣлано, и надо отдать полную справедливость, сдѣлано мастерски. Нельзя смотрѣть на школьныя охоты какъ на законченное дѣло; наоборотъ, потребуются еще громадныя труды — этимъ школа обезпечена въ лицѣ неутомимаго руководителя — потребуются еще много денежныхъ затратъ — этимъ школа пока не обезпечена, ибо не имѣетъ соответствующаго штатнаго денежнаго отпуска.

Посѣщеніе въ нынѣшнемъ году этого полевого отдѣленія школы Августѣйшимъ Генералъ-Инспекторомъ кавалеріи, личное участіе Его Императорскаго Высочества въ охотахъ, присутствіе Великаго Князя на скачкахъ и конкурѣ въ Поставахъ «саніаціонпругеть» окончательно этотъ войсковой спортъ, который пересталъ быть забавою, просто спортомъ, а будетъ, вѣроятно, считаться, наконецъ и у насъ, полевой школою кавалериста и при этомъ наилучшей школою, готовящей неустранимыхъ на конѣ кавалерійскихъ начальниковъ для будущихъ побѣдъ надъ врагомъ, могущихъ кромѣ того указать, въ чему слѣдуетъ стремиться, обучая въ мирное время кавалериста полевой вѣдѣ. Для того, чтобы правильно руководить конными занятіями, нужно самому усвоить предметъ этихъ занятій досконально, усвоить его практически, освѣжать свои познанія, примѣняясь къ современнымъ, почти-что неносильнымъ требованіямъ, предъявляемымъ нашему роду оружія — нигдѣ этого не усвоишь, какъ въ Поставахъ.

Нѣкоторые находятъ, что бесполезно заставлятъ штабъ-офицера скакать за стаей, ибо онъ въ этомъ возрастѣ уже ничему не обучается. Это мнѣніе ошибочно. На парфорсной охотѣ, онъ, во 1-хъ, увидитъ лично, чего, при правильной постановкѣ дѣла, можно до-

биться отъ коня и что можно потребовать отъ молодого офицера, отъ нижняго чина — на все это встрѣчаемъ въ полкахъ иногда прямо-таки допотопныя взгляды. Затѣмъ, онъ самъ освѣжается, подбадривается — могу засвидѣтельствовать это изъ опыта, хотя, при всей скромности, не признаю себя совершенно новичкомъ къ этому дѣлу: тѣмъ не менѣе, послѣ поставскаго сезона, я чувствую себя совершенно плаче на конѣ: и крѣпче, и свободнѣе и болѣе хозяйномъ всякой лошади. Вообще двухмѣсячное пребываніе штабъ-офицера въ Поставахъ принесетъ ему большую пользу. Служба въ полку отвлекаетъ нашего брата совершенно отъ вѣды. Нельзя же считать вѣдою: получасовое мананіе въ смѣну разъ или два въ недѣлю, передвиженіе на военное поле, присутствованіе на смотрахъ, т. е. стояніе на мѣстѣ, часовое ученіе полка или прогулку въ паркѣ. Завѣдывающий хозяйствомъ, казначей, квартирмейстеръ не имѣютъ въ нѣкоторыхъ полкахъ и этой небольшой практики, вѣрнѣе, моціона, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ мнѣ сами рассказывали, такъ и не садятся на коня по нѣскольکو лѣтъ. Въ этомъ отношеніи на западѣ гораздо больше развита любовь къ лошади и вѣдѣ. Для нашихъ же штабъ-офицеровъ Поставы служатъ освѣжающимъ курсомъ, проверкою самого себя, а это очень важно.

Прибывъ туда около 15-го августа, я засталъ штабъ-офицеровъ, кандидатовъ на полки, и младшій курсъ школы: охотились мы двѣ недѣли по искусственному слѣду, что описано мною въ № 199-мъ 1901 г. «Русскаго Ивалида». Послѣ этого прибылъ, на смѣну младшему, старшій курсъ. Съ нимъ произведены еще двѣ охоты по искусственному слѣду, одна на 12, другая на 15—16 верстѣ. Потомъ выускали козловъ (дашелей) и охотились по нимъ — такихъ охотъ было 15.

Описывать подробно весь «процессъ» или всю «процедуру» охоты по искусственному слѣду и по живой дичи не стану — она описана мною въ «Русскомъ Ивалидѣ» еще въ 1885 г. (№ 248 и слѣд.) — описаніе это вышло, кромѣ того, въпослѣдствіи и брошюрою. Сравню здѣсь только подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ насоро оба вида охоты. Конечно, скакать за стаей, идущей по слѣду живого козла, интереснѣе, привлекательнѣе. И собаки идутъ охотнѣе; вообще, это настоящая охота, что и говорить, — а та не больше, какъ подражаніе, изображеніе охоты. Главное, что увлекаетъ, волнуетъ, интересуетъ, это элементъ неизвѣстности: будетъ ли это жиденькій козликъ, котораго скоро поймутъ или протащитъ онъ насъ 15—20 верстѣ или больше? А, можетъ быть, сегодня попался такой, отъ скачки за кого-

рымъ выдохнется бдльшая часть лошадей, собакъ—кто дотянетъ до конца? кто его приколетъ и будетъ королемъ охоты? — А если это козель-борецъ, который покалѣбитъ собакъ, ранитъ лошадь, какъ разъ, по неосторожности всадника, было на самомъ дѣлѣ? — Куда онъ пойдетъ?— Неужели опять въ этотъ проклятый оврагъ, въ который спускались, такъ по отвѣсной стѣпѣ и подымались по такому же скату на противоположной сторонѣ десятокъ разъ? А можетъ быть въ этотъ лѣсъ, гдѣ масса вѣдочковъ разорвала свои кителя, поцарапала лица, побила о деревья колѣни? А если онъ возьметъ вправо по кочкамъ, а потомъ поперекъ бороздокъ? Да кто знаетъ, куда онъ насъ заведетъ: въ болото, въ рубленный лѣсъ, въ озеро?— все это тамъ же, въ Поставахъ, случалось. Принимаются, правда, мѣры къ тому, чтобы дать дичи известное направленіе, хотя бы вначалѣ, не пустить ее назадъ и по мѣстности малоудобной, слишкомъ пересѣченной или малопоучительной, не дать ей забраться сразу въ густой лѣсъ — цѣль всадниковъ зараждасть ей доступъ туда, это правда. Но фактъ тотъ, что изъ 15-ти козловъ, выпущенныхъ въ этомъ году въ Поставахъ, ни одинъ не пошелъ такъ, какъ его предшественники. Каждый изъ нихъ сочинялъ себѣ, такъ сказать, свой специальный маршрутъ—въ этомъ именно и кроется весь интересъ, вся поучительность парфорсной охоты для кавалериста. Когда мы вернемся домой сегодня? Въ часъ дня или позже? а если къ 6-ти часамъ вечера, какъ на той подѣлкѣ?

Читатель видитъ, что, гоняясь за живымъ звѣремъ, нельзя ничего впередъ опредѣлить, нельзя ручаться за различныя случайности: пришлось разъ скакать непрерывно 18—20 верстъ, а иногда значительно меньше, не больше 4—5 верстъ. Въ общемъ, преобладали галоны въ 8 — 9 верстъ, часто 2—3 галона по 5 — 6 верстъ каждый, а одинъ, обыкновенно послѣдній, въ концѣ котораго являлась уже пойма козла, подлиннѣе.

Охота по искусственному слѣду, совершенно другого характера; тамъ все впередъ известно. Но я долженъ сказать, что и эти охоты, какъ онѣ были организованы въ этомъ году въ Поставахъ, оставили самое лучшее впечатлѣніе, можетъ быть потому именно, что онѣ велись мастерски. Неумолимый руководитель выбиралъ всегда лично наканунѣ мѣсто, маршрутъ; выборъ бывалъ всегда очень удачный. Была всегда масса препятствій для прыганья въ вышину и въ ширину, обыкновенно не менѣе двухъ твердыхъ заборовъ въ 1½ аршина и даже 1 арш. 10 верш.—и уже мѣсто такъ выбрано, что ни вправо, ни влѣво не объѣдете, а «дырочки» и «лазейки» все

заклеены, однимъ словомъ, заборъ вычлнли пазануцѣ. Было, понятно, всегда и нѣсколько естественныхъ банкетовъ, обрывовъ: попадались и кочки, и камни, и ямы, но въ общемъ, мѣстность давала возможность идти громаднымъ пейсомъ, а это вѣдь тоже не послѣднее условіе въ смыслѣ упражненія въ полевой ѣздѣ. На маленькомъ алорѣ можно всюду пролѣзть, а извольте скакать за собаками, идущими со скоростью, превышающею 20 съ лишнимъ верстъ въ часъ! Тѣ, которые увлекаются поучительностью трудно проходимой мѣстности (увлекаются этимъ обыкновенно на словахъ или на бумагѣ), забываютъ, что какъ всему, такъ и этому есть предѣлы, дальше котораго будетъ не польза, а вредъ. Если считать поучительнымъ дѣломъ ѣзду чуть ли не исключительно по рубленому лѣсу, поперекъ бороздокъ, среди камней, ямъ и т. д., то можно въ этомъ направленіи пойти и еще дальше: ларить волчьихъ ямъ, раскинуть бороны, насыпать битой посуды, стекла; — въ результатъ, все пойдетъ шагомъ, а поучительность сведется тогда къ нулю, ибо шагомъ, осторожно, проберется, вѣроятно, черезъ все это и беременная женщина пѣшкомъ! къ чему же тогда посылать и воипа на конѣ? Что за польза, что на такомъ состязаніи кто-нибудь, попавшій на болѣе или менѣе удобопроходимое мѣсто случайно, выкарабкается раньше другихъ оттуда и придетъ первымъ, какъ говорится, фуксомъ возьметъ? Главному условію, именно прыганію на скаку и удовлетворяли искусственныя охоты въ Поставахъ. По живой дичи приходилось иногда скакать долго поперекъ бороздокъ, среди массы торчащихъ незамѣтно изъ земли большихъ камней, а также по кочкамъ— конечно, алорѣ уменьшался. Приходилось ходить и долго шагомъ въ лѣсу во время перерывовъ, происходившихъ за потерю слѣда. Скажемъ еще, что при скалкѣ по искусственному слѣду, вы увѣрены, что будутъ препятствія и что они преодолимы — по живому слѣду ихъ можетъ не оказаться вовсе сегодня; они могутъ быть непреодолимы, вы ихъ имѣете право объѣзжать, должны даже избѣгать и доступныхъ препятствій, прыгая лишь тогда, когда этия сокращаете путь, сберегаете силы копы. Вотъ почему, только сочетаніе обоихъ родовъ или видовъ охоты поучительно и плодотворно.

Въ тѣ дни, когда не было парфорсной охоты, не было конкурса или офицерскихъ скачекъ, вызвали съ борзыми и травили зайцевъ. Иногда нѣкоторые изъ офицеровъ отправлялись и на ружейную охоту, другіе каталась верхомъ, занимались упряжнымъ спортомъ (общество парфорсной охоты приобрѣло четверку шорныхъ лошадей). Прочтѣтаны и различныя, упомянутыя въ началѣ замѣтки,

игры. Были и любители рубки, которую преподавалъ практически весьма охотно въ свободное время «мастеръ этого дѣла», какихъ на Русь, въроятно, немного, отбывающій цѣпизъ полковникъ, князь Бегильдѣевъ. Вообще можно смѣло сказать, что спортсмену и охотнику скучать тамъ некогда:—итальянской оперы, правда, нѣтъ, но, принимая во вниманіе организационный талантъ Алексѣя Алексѣевича Бруслова, нельзя поручиться, что ея со временемъ тамъ не будетъ. Поставы, это настоящее кавалерійское эльдорадо. Каждый офицеръ можетъ явиться туда участвовать въ охотѣ, скачкахъ, конкурсахъ въ качествѣ члена общества или какъ приглашенный одинъ изъ членовъ, лишь бы списаться заранѣе. Квартира найдется либо въ самомъ замкѣ, либо въ одной изъ массы новыхъ хатъ, которыя вырастаютъ, какъ грибы, съ тѣхъ поръ, какъ школа проводитъ тамъ два мѣсяца въ году. Нѣкоторыя хаты такъ удобны, что въ нихъ жили какъ на дачѣ, семьи нѣсколькихъ офицеровъ перемѣннаго состава. И лошадь для охоты найдется: въ будущемъ году предполагается предложить одному изъ торгующихъ гуштерами и кровными лошадьми поставить туда десятковъ коней, которыхъ и отдавать въ наемъ съ платою по 10 рублей за охоту, да и продавать желающимъ испытать и приобрести кровную полевую лошадь.

На вновь прибывающаго въ Поставы пріятное впечатлѣніе производитъ нѣкоторая свобода въ одеждѣ, извѣстная якобы безцеремонность въ этомъ отношеніи, что въ деревнѣ, а тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ спортъ долженъ процвѣтать, очень важно. Оружія и амуниціи можно бы хоть вовсе не брать съ собою: они нужны только, чтобы по прибытіи явиться главному руководителю. После этого тулупка, вѣтель, охотничья куртка, тирольская шляпа, красный фракъ, равно какъ костюмъ для лаунъ-тенниса или гребли пользуются одинаковыми правами гражданства. При всемъ этомъ, въ полевой филіалѣ офицерской школы замѣтна извѣстная выдержка, доказывающая хорошее воспитаніе кавалериста и глубокое сознаніе имъ дисциплины. Никто не пропуститъ поклониться старшему, встать при его входѣ, никто при немъ, не спросивши, не закуритъ и т. д. будь на томъ или на другомъ одинъ изъ вышеописанныхъ костюмовъ — на все это въ наше время далеко не всегда и не вездѣ обращается надлежащее вниманіе, здѣсь же оно рельефно бросается въ глаза. И нижніе чины отдають преправно честь всякому, промѣнявшему вдругъ мундиръ на спортсменскую одежду.

Всѣхъ, скачущихъ въ Поставахъ за стаями можно раздѣлить на слѣдующія категоріи:

Офицеры постоянного состава школы. Они круглый годъ не расстаются съ сѣдломъ, скачутъ за стаей вотъ уже 4 года—съ ними тягаться нашему брату трудно. То, что всѣ они не пропускаютъ ни одной охоты, подбадриваетъ остальныхъ тѣмъ болѣе, что по неустрашимости на конѣ они могутъ быть поставлены въ примѣръ всей кавалеріи. Въ прежнее время это не всегда такъ было. Въ кадры школы попадали офицеры не проходившіе раньше курса, были и такіе, которыхъ на конѣ никто и не видѣлъ. Это теперь стало иначе.

Старшій курсъ участвуетъ въ теченіе шести недѣль въ охотахъ по живому звѣрю. Онъ обучался въ школѣ два года, скакать въ въ предшествующій годъ уже по искусственному сѣдлу и ѣздилъ во время бытности въ школѣ по 3—4 лошади въ день. Этотъ старшій курсъ заканчиваетъ въ Поставахъ свое конное образованіе, получая полевую отдѣлку, полпровку—и съ нимъ конкурировать не легко.

Младшій курсъ не обладаетъ уже тою опытностью, что упомянутый раньше. Но у этихъ офицеровъ еще годъ впереди, и изъ нихъ выйдутъ ѣздоки въ полномъ значеніи этого слова, въ этомъ нѣтъ сомнѣній.

Кромѣ того, какъ уже раньше упомянуто, за собаками скачутъ *штабъ-офицеры, кандидаты, затѣмъ члены парфорснаго общества и офицеры-гости.*

Штабъ-офицеры привносятъ съ собою продолжительную опытность, знаніе лошади, хладнокровіе — молодежь перѣдко горячится, а это на конной охотѣ не всегда ведетъ къ цѣли. Въ «Русскомъ Инвалидѣ» я упоминалъ уже о томъ, что на охотахъ по искусственному сѣдлу, въ которыхъ и участвовалъ младшій курсъ, мы скачемъ впереди, на виду у всѣхъ — это заставляетъ насъ напрягать свои силы, езда же ѣздить легче. Побѣся на «цѣпину», мы пробиваемъ дырочки, лазейки, когда, какъ часто бываетъ, лошади наши зацѣпляются за заборы, ломаютъ ихъ, такъ что младшій курсъ, собственно говоря, въ «барышѣ», особенно, если принять во вниманіе молодость, силу, энергію юныхъ лѣтъ—для многихъ же штабъ-офицеровъ этотъ видъ полевой ѣзды является тоже совершенно новымъ и непривычнымъ дѣломъ. Правда, что подъ штабъ-офицеровъ даютъ лучшихъ, кадровыхъ школьныхъ лошадей, для которыхъ скачка за стаей и преодоленіе серьезныхъ препятствій вещь обыкновенная. Офицеры обоихъ курсовъ ездятъ на худшихъ лошадяхъ, иногда на такихъ, которыя на охотѣ еще не ходили. Кромѣ того, завѣдывающій офицерскимъ отдѣломъ, полковникъ Химецъ, очень строгъ и ведетъ

«своихъ учениковъ» черезъ всё препятствіи, зорко слѣдя за ними. Отъ его наблюдательнаго глаза не удастся скрыть ни одной «полевой ошибки». Мы скорѣе сами себѣ хозяева и пользуемся извѣстною свободою, но и главный руководитель, перешагнувъ черезъ препятствіе, оглядывается и видитъ, какъ ѣдутъ слѣдующіе за нимъ. Въ числѣ прочихъ участниковъ, т. е. изъ членовъ, гостей, въ Поставахъ было въ этомъ году нѣсколько выдающихся ѣздоковъ, извѣстныхъ въ нашей конницѣ, равно какъ и на ипподромѣ. Заѣзжали на ботѣе или менѣе продолжительное время вообще разные любители коннаго спорта — были представители всѣхъ трехъ родовъ оружія, не исключая даже пѣхоты. И это большой прогрессъ, ибо целюбовь къ верховой ѣздѣ составляла еще недавно отличительную черту нашей молодежи — на западѣ встрѣчается между военными всѣхъ родовъ оружія гораздо больше любителей коннаго спорта.

Было бы желательно, чтобы пріѣзжающіе въ Постава для отбытія дежурія приводили либо своихъ, либо полковыхъ казенныхъ лошадей. Теперь же, никому и не угодишь, а тогда онъ могъ бы себѣ самъ выбрать въ своемъ полку двухъ-трехъ лучшихъ коней, самъ бы занялся ихъ подготовкою и показалъ бы, что онъ способенъ сдѣлать съ ними. Это было бы и свидѣтельствомъ того, какъ поставлена въ дашномъ полку птяцугость и вообще полевое дѣло. Теперь же школьныхъ лошадей слишкомъ критикуютъ и, по моему, совершенно несправедливо.

Скажу нѣсколько словъ о собакахъ, которыя имѣются въ школѣ. Охотничье отдѣленіе, которымъ завѣдуетъ «мастеръ стан» подполковникъ князь Багратионъ, — лицо весьма компетентное въ охотничьемъ дѣлѣ — состоитъ изъ 10 — 12 чел. деѣзжачихъ, столько же лошадей подъ ними и больше 120 собакъ. Помощникомъ князя назначенъ штабсъ-ротмистръ Рудневъ, отличный ѣздокъ, джигитъ и страстный охотникъ. На царскѣ есть 12 борзыхъ, больше 20 гончихъ для ружейной охоты — эти собаки подарены школѣ Августѣйшимъ Генералъ-Инспекторомъ — и около 70 парфорсныхъ собакъ англо-французской породы.

Парфорсную собаку многіе у насъ ошибочно называютъ «гончею»; да, она была когда-то, (лѣтъ 300 тому назадъ) гончею, если хотите, такъ же, какъ англійская чистокровная скаковая лошадь та же арабская. Вся разница въ томъ, что какъ лошадь эту, такъ и собаку, англичане тренировали, испытали, премировали, сортировали, ведя студбуки въ теченіи 300 лѣтъ. Непаратыхъ собакъ, кромѣ того,

вѣшали или прикалывали и дѣлаютъ это безъ всякой церемоніи и пошлывѣ. Такимъ образомъ, англичанинъ пересоздаетъ, перерождаетъ собаку. Она соединяетъ отличное чутье съ громадною скоростью и выносливостью, скальваясь, сама розыскиваетъ дичь, вѣрнѣе слѣдъ ея (чего борзая не дѣлаетъ), затѣмъ она держитъ этотъ слѣдъ ушелшей дичи на алерѣ превышающемъ значительно скорость нашего полевого галона и послѣ 30—35 или большаго числа проскакиваемыхъ такимъ ходомъ верстъ, сама ловитъ загнаннаго звѣря (на что опять-таки гончая неспособна). Все это такъ мало извѣстно у насъ, что тамъ же въ числѣ участниковъ находились добрые совѣтчики, указывавшіе мѣста въ Россіи, гдѣ можно пріобрѣсти для парфорсной охоты очень паратыхъ собакъ!! Забывалось, очевидно, что если бы это было такъ легко, то люди не ѣздили бы въ Англію, не платили бы за кобеля большихъ денегъ. Но въ томъ то и дѣло, что неоднократно опыты съ русскими гончими показали, что онѣ сохраняютъ вѣрность слѣда лишь при сравнительно небольшой скорости хода, а если онѣ подчасъ и параты, то опять же, по сравненіи ихъ съ парфорсными, лишь на короткѣ. Да многія изъ нихъ ѣдутъ больше «по зрнечему» за звѣремъ — вообще онѣ для парфорсной охоты совсемъ не годятся. Это та же самая исторія, что съ чистокровною скаковою лошадью. Еще недавно у насъ считали араба и рѣзвѣе на дальнее разстояніе, и выносливѣе и т. д.

Основу школьной стаи составили собаки моего родственника, помѣщика Кіевской губерніи барона Е. Е. Врангеля, подаренныя имъ въ 1896 году, когда этотъ любитель и знатокъ коннаго спорта заболѣлъ и пересталъ ѣздить верхомъ. Эти собаки, числомъ около 30-ти, были породы *anglo-artois*; онѣ и положили начало школьнымъ охотамъ. Ихъ тогда хотѣли сбыть въ хорошія руки и обратились ко мнѣ за помощію — я предложилъ ихъ школѣ. Спустя два-три года, извѣстный конно-заводчикъ, любитель лошади и парфорсной охоты, помѣщикъ Волынской губерніи графъ І. А. Потоцкій подарилъ школѣ 24 такихъ же англо-французскихъ собакъ. Для освѣженія крови офицерская школа пріобрѣла покупкою въ Ганноверской кавалерійской школѣ шесть или семь вывезенныхъ изъ Англій собакъ. Въ этой «партіи», какъ бываетъ часто, одинъ или два экземпляра околѣли, два — три экземпляра не оправдали надеждъ, какъ производители, а пара существуетъ по-нынѣ и дала уже хорошія приплоды. Знаменитый производитель, выводной «Вочманъ», великолѣпный кобель, идеальнаго склада, съ сильно развитыми костякомъ и мускулатурою. Но онъ старъ, ему около 9-ти лѣтъ, а для полученія пара-

таго прилода, надо, какъ говорить мнѣ одинъ компетентный инкеръ, чтобы кобело было не больше 4-хъ, сука не больше 2-хъ дѣтъ. Не следовало бы пожалѣть какихъ-нибудь 2.000—3.000 и выписать изъ Англій 4—5 премированныхъ за свои парфорсные способности экземпляровъ. Безъ этого, все равно, дѣло не обойдется. Не освѣжаемая молодыми выдающимися производителями порода, потеряетъ со временемъ все свои расовыя особенности и обратится въ простую гончую, съ которою можно охотиться лишь пѣшкомъ.

Необходимо также «мастеру» и его помощнику ѣздить отъ поры до времени въ Англію. Техника всякаго дѣла подвигается впередъ съ каждымъ днемъ. Дичь пинѣ тренируютъ какъ то особенно, поятъ водкою, излавливаютъ осторожно, чтобы этою ловлею не измучить ее, а то она плохо поскочетъ: собакамъ даютъ въ кормъ какіе-то суррогаты, ихъ кормятъ въ послѣдній разъ за полторы сутокъ до охоты и т. д. Есть еще масса подробностей, споровъ, приемовъ, результатовъ которыхъ является непрерывная, очень рѣзвая скачка. Присмотрѣться къ этому всему можно лишь у первоисточника, т. е. въ Англій. Затѣмъ, необходимо, по мнѣнію нѣсколькихъ компетентныхъ лицъ, охотившихся со школьной стаей, не пожалѣть опять-таки средствъ и выписать хотя бы на 2—3 года опытнаго инкера изъ Англій. Это особенно важно для воспитанія прилода, т. е. щенковъ, для предотвращения большой ихъ убыли отъ простуды и разныхъ болѣзней. Наши люди къ этому неспособны: внушить имъ правильное обращеніе съ жеребенкомъ и то трудно, а на собаку нашъ простодушный смотритъ черезчуръ съ презрѣніемъ; здѣсь же надо ухаживать за щенкомъ, какъ за ребенкомъ — парфорсная собака очень пѣжна.

Все только что перечисленное не есть результатъ личныхъ моихъ наблюденій. Оно хорошо извѣстно всемъ причастнымъ къ дѣлу и наиболѣе заинтересованнымъ въ процвѣтаніи охоты лицамъ. Все это повлечется здѣсь, какъ своего рода «резюме» моихъ съ ними разговоровъ. Къ несчастію средствъ — средствъ не хватаетъ на столь полезное дѣло, въ необходимости коего уже никто у насъ не сомнѣвается.

Я забылъ еще одно: следовало бы по примѣру запада прикалывать всякую собаку, приходящую къ «галии» 3—4 раза послѣдней — это вѣрное средство поднять паратость, выносливость, чутье стаи. Но князь Багратионъ «слишкомъ любитъ собаченку», чтобы принимать такія жестокия мѣры! Онъ знаетъ каждую не только по «кличкѣ», но ему извѣстно происхожденіе каждой, весь «недигри»

всякой изъ нихъ онъ знаетъ назвустъ. Вѣдь она отъ «такого-то» и «такой-то», можетъ быть, она только больна на этой недѣлѣ! можетъ быть ободрала ланку или «подбилась»! а то, какой-нибудь невольній ѣздокъ (князь ихъ страшно не любитъ) наѣхалъ на нее бѣдную, и придавилъ ей попку! Пусть поживетъ еще! думаетъ онъ. Кромѣ того, у него вѣрный принципъ: не прикалывать ни одной, чтобы доѣзжачіе знали, что больна, не больна, вознесъ съ ней, ухаживай, выходить надо непременно. «А начин прикалывать, говоритъ князь — они попросятъ всякую приколотъ. Это для нихъ и легче, и проще, чѣмъ ухаживать по дѣлымъ почамъ за больнымъ щенкомъ. Вѣдь они не пѣмцы, не англичане, которые къ этому привыкаютъ съ малолѣтства». Это только подтверждаетъ сказанное мною о необходимости выписки англійскаго инкера. Пѣмецъ уже не то, а французы, итальянцы съ собаками обращаются въ большинствѣ случаевъ такъ-же жестоко, какъ и наши люди. А все-таки я бы сказалъ: «здороваго пса, приходящаго третій разъ послѣднимъ, надо прикалывать, князь, тутъ же вылетѣть съ козломъ».

Крайне важно тоже строгое раздѣленіе стаи, папускаемой по слѣду живой дичи и по искусственному слѣду — это пока, за неизмѣнимъ достаточнаго числа собакъ, трудно исполнимо.

Надо отдать справедливость «мастеру» и его помощнику въ томъ, что стая у нихъ вполнѣ въ рукахъ, собаки въ высшей степени дисциплинированы, чего не такъ легко достичь. Дѣло это вообще не пропадетъ, ибо начальникъ охоты, а также «мастеръ» и его помощникъ преданы ему всею душою. Лишь бы имъ удалось увеличить средства!

Кстати, я забылъ еще упомянуть о томъ, что доѣзжачіе одѣты въ красные охотничьи сюртуки. Это необходимо и въ высшей степени облегчаетъ ориентировку въ лѣсу, въ рошѣ, оврагѣ. Красный цвѣтъ видѣнъ издали — мундира почти не замѣчаешь. Англичанинъ ничего не выдумаетъ безъ основательной причины! Жаль только, что все слѣдующіе впереди, особенно начальникъ охоты, «мастеръ», его помощникъ ѣздили въ мундирахъ — заграницею все офицеры постоянного состава охотятся въ красномъ, жаль также, что у доѣзжачихъ нѣтъ черныхъ картузовъ. Стиль, обрядность въ спортсменскомъ и охотничьемъ дѣлѣ — это вещи, которыми нельзя пренебрегать. Въ будущемъ году все это будетъ уже налажено и старшему курсу даже разрѣшено заводить красные фраки, вѣтрище, сюртуки. Красный цвѣтъ имѣетъ еще одно преимущество: собаки къ нему весьма привыкли: приближившись къ стаѣ, вы ничѣмъ не рискуете,

да и отставная собака васъ слушается. Если вы въ другомъ парядѣ, то можете очень легко быть въ только что упомянутыхъ случаяхъ укушены, да прямо искалѣчены—эти собаки странно злы.

Нельзя не сообщить нѣкоторыхъ данныхъ о лошадяхъ, на которыхъ охотятся въ школѣ. Я полагаю, что это можетъ представить интересъ для всѣхъ, на чьемъ попеченіи находятся: выдержка строевого коня, его сбереженіе, воспитаніе.

Въ полкахъ говорятъ часто, что въ школѣ всѣ лошади отборныя и т. д. Но это невѣрно. Младшій курсъ охотится на приводимыхъ имъ же изъ полковъ казенно-офицерскихъ лошадяхъ. Полки, какъ мнѣ говорили въ школѣ, присылаютъ далеко не лучшихъ коней, что подтверждаетъ частая браковка присланныхъ и отсылка ихъ обратно на счетъ полковъ; попадались совершенно безногія, безспинныя, кривыя и даже запаленныя! Какая тутъ, значить, «отборность»? Посмотримъ теперь, на чьемъ счетѣ за стаей старшій курсъ; во-первыхъ, на тѣхъ же своихъ казенно-офицерскихъ и, кромѣ того, еще на собственныхъ—въ первый годъ эти приводимые изъ полковъ собственные кони рѣдко когда годятся для охоты: или они сырые, невыѣзженные, несложившіеся, а часто совершенно дурноѣзкіе и слабосильны, неспособны къ полевой ѣздѣ. Только на второмъ году они вырабатываются, и то далеко не всѣ. Слѣдовательно, все это не отборные кони, а тотъ составъ, который имѣется въ полкахъ; рѣдко эти лошади хуже полковыхъ. Съ подобнымъ, значить, матеріаломъ приходится школѣ работать и, если она достигаетъ отличныхъ результатовъ, то благодаря знанію и неутомимой энергіи всѣхъ руководителей и учителей.

Нѣсколько лучшихъ сортовъ и по ѣздѣ школьныя кадровыя лошади, которыхъ приводятъ изъ Петербурга для ѣзды офицеровъ постоянного состава, для отбывающихъ цензъ, для почетныхъ гостей и пачальствующихъ лицъ, наконецъ, просто, какъ запасныхъ, потому что изъ упомянутой раньше категоріи масса отказывается отъ работы на болѣе или менѣе продолжительное время. И кадровыя не отборны, такъ какъ, если школа можетъ пріобрѣтать ихъ, не превышая ремонтной цѣны, то и полки могутъ получать такихъ же точно.

Эти школьныя лошади идеально напрыганы, прекрасно выдержаны. Пріятно имѣть на охотѣ и своихъ, попятно, но не могу не засвидѣтельствовать, что мои собственные, которыя очень хорошо прыгали и вообще не дурно работали, несмотря на полное отсут-

ствіе подготовки, не доставили мнѣ того удовольствія и той возможности быть на хвосту у стаи, какъ 2—3 школьныхъ, на которыхъ пришлось сидѣть нѣсколько разъ. Въ среднѣй сезонъ я далъ своимъ маленькій отдыхъ: онѣ пуждались въ немъ именно вслѣдствіе недостаточной втянутости—подготовить ихъ я не могъ потому, что такъ сложились обстоятельства. Въ концѣ сезона, кромѣ того, одна ушибла ногу, другая жаловалась на плечи, пришлось опять сѣсть на школьную. Кадровые кони скачутъ безъ отказа, преодолеваютъ все, что попадется на пути и вообще идутъ весьма увѣренно по всякаго рода мѣстности.

Очень хорошо напрыганы и выдержаны казенно-офицерскія лошади обоихъ курсовъ и собственные кони старшаго курса. И они всѣ идутъ на препятствія безъ отказа. Если случалась когда-либо (впрочемъ, очень рѣдко) закидка, то это происходило скорѣе по вниѣзюда. На всякую «поставскую» лошадь я садился, и всегда ездилъ съ полнымъ довѣріемъ, и пойду на всякое маломальски преодолимое препятствіе весьма увѣренно.

Тѣла рабочія, у нѣкоторыхъ коней, вслѣдствіе ихъ склада и организма, поджарыя, вообще неровныя, какъ во всей западной Европѣ. Такъ оно должно быть и не можетъ быть иначе тамъ, гдѣ на первомъ планѣ работа. Нельзя было бы гнаться за ровностію, пренебрегая силою, втянутостію, да и кони погибли бы при такой системѣ и несоответствующей этой устарѣлой системѣ работѣ. Повѣрку содержанія дѣлаетъ сама охота. Одна какая-нибудь круглая лошадь сохраняетъ до известной степени свои округленныя формы, несмотря на 20-ти-верстные галоны. Другая, болѣе поджарая, получаетъ навѣрное не менѣе упомянутой только-что и все-таки не можетъ набрать тѣла. Что эти кони всѣ сыты и втянуты, это удостоверяетъ намъ легкость, съ которою они прыгаютъ и проскакиваютъ до 20-ти верстъ и больше. Если они при этой работѣ всѣ не околѣли, не получили занала, то, значить, они въ порядкѣ и даже въ большемъ порядкѣ. Заведи школа «полковыя тѣла», «разряды по содержанію», пришлось бы «закрывать лавку» и приколотъ собакъ, ибо парфорсная охота стала бы невозможною. Съ другой стороны, моя, больше чѣмъ 20-ти-лѣтняя строевая опытность, заставляетъ меня почти-что ручаться, что самая премированная за тѣло строевая лошадь, околѣла бы въ Поставахъ на 5-й или 6-й верстѣ, да ни одна не въ состояніи была бы преодолѣть на такомъ, какъ тамъ, галоноѣ 10—15 «поставскихъ», иногда весьма серьезныхъ препятствій, особенно въ концѣ охоты, когда у наиболѣе втянутаго коня дыха-

ние должно начинать ослабывать. Въ этомъ отношеніи «Поставская филіяла школы» открываетъ намъ глаза, открываетъ совершенно новый горизонтъ, доказывая, чего можно достигнуть со строевою лошадью; и вмѣстѣ съ тѣмъ, это указываетъ ясно, что въ строю дѣлаются зачастую въ этомъ отношеніи большія, непростительныя погрѣшности—осмотръ тѣла на мѣстѣ воспріиметъ нерѣдко то, что слѣдовало бы безусловно порицать, а именно: преслѣдованіе какихъ-то сельско-хозяйственныхъ цѣлей, т. е. закармливаніе, откармливаніе и т. д. Какъ же послѣ этого не видѣть пользы въ командированіи туда лицъ, которымъ не сегодня, завтра предстоитъ принимать полки? Вѣдь только тамъ имѣется возможность видѣть все это во-очию и испробовать дѣйствительно выдержанныхъ коней.

Жаль, однако, что много лошадей «куетъ на рыси». Этотъ полевой недостатокъ устранить, правда, не легко, но важно определить точно его причины, особенно если приписать въ соображеніе, что заграничная кавалерія поборола давно это зло. Пасхетъ причинъ приходилось много бесѣдовать въ Поставахъ: мнѣнія были различны.

Одни увѣряли, что сорть русской лошади вообще сырой, въ ней недостаточно силы, т. е. она вообще не верховая—овса въ жеребачьемъ возрастѣ она въ большинствѣ случаевъ не видитъ. Это отчасти вѣрно. Сорть нашей верховой лошади вообще, а особенно качества зачисляемой или командированной въ школу, желательнѣе поднять тамъ вѣдь готовить тѣхъ, на долю которыхъ выпадетъ въ будущемъ обязанность двинуть впередъ конное дѣло. Для нихъ нужны самыя лучшія лошади и, хотя бы онѣ пострадали, пропали послѣ нѣкотораго времени—это ничтожный процентъ, незначительная убыль, а создавая неустранимыхъ на конѣ двигателей нашей конницы, мы окупимъ эту ничтожную потерю стократно.

Другіе говорили, что кони эти куютъ оттого, что получаютъ мало корма. Не думаю, чтобы это могло быть причиною. Фуражная дача, отпускаемая на время поставскихъ занятій, составляетъ 15 фунтовъ овса на лошадь, это достаточно. И гунтера врядъ-ли получаютъ многимъ больше. Правда, что гунтеръ можетъ получать эти 15 фунтовъ, если не крумый годъ, то, по крайней мѣрѣ, полгода, когда это необходимо, здѣсь же 15-ти-фунтовая дача отпускается лишь въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Можетъ быть это недостаточно. Полагаю, что было бы полезно увеличить не количество зернового отпуска, а время такого усиленнаго отпуска, растянувъ его и на подготовительный періодъ, т. е. еще на 2—3 мѣсяца. Было

бы хорошо вести эту подготовку въ самихъ Поставахъ, ибо въ Красномъ Селѣ почва слишкомъ твердая, галопировать неудобно—лошади страдаютъ тамъ отъ подготовки больше, чѣмъ отъ самой работы въ Поставахъ.

Утверждали тоже, что лошади эти бѣдятся слишкомъ много «по манежному». Понадея потомъ сразу въ полевую обстановку, онѣ манежнаго сбора сохранить не могутъ, путаются ногами и куютъ. Насколько я замѣтилъ, школьныя кадровыя куютъ меньше, у собственныхъ офицерскихъ этотъ страшный полевой порокъ уже больше замѣчается, а приводимыя полковыя казенно-офицерскія куютъ еще больше. Быть можетъ, что ихъ въ свое время въ полкахъ «перомапежили», «сломали», забывъ, что сборъ и поставъ шеи и головы долженъ по возможности приближаться къ естественному, дающему этой лошади природою и что уравновѣживаніе мыслимо лишь въ соединеніи съ постояннымъ движеніемъ впередъ. Гунтера никогда не куютъ и вообще зараницею этого порока почти не встрѣчаемъ, наши же полковыя строевыя лошади куютъ почти все поголовно. Отъ грубаго, неумѣлаго подъема шеи и головы, спина «садится», переднія ноги бьютъ о заднія и наоборотъ, иначе говоря, «онѣ куютъ».

Приходится еще упомянуть о той громадной пользѣ, которую припосетъ всякому кавалеристу даже наикратчайшее пребываніе въ Поставахъ. Дѣло въ томъ, что въ полкахъ имѣется иногда о полевой ѣздѣ лишь весьма слабое представленіе. Въ доказательство этого приведу нѣсколько фактовъ. Напримѣръ, кто-то, кому я рассказывалъ о заборахъ въ 1 арш. 10 верш., напомнилъ, что это не трудное препятствіе! что на конкурсахъ и офицерской ѣздѣ прыгаютъ такіе барьеры легко! Да я и не увѣрялъ, что на такомъ заборѣ ожидаетъ всадника вѣрная смерть. Но нельзя же сравнивать конкуръ, гдѣ прыгаетъ 10—12 дѣйствительно отборныхъ, въ большинствѣ случаевъ, выводныхъ гунтеровъ, и то не уставшихъ отъ 10-ти—15-ти-верстнаго галона, а совершенно свѣжихъ и еще подѣ выдающимися ѣздоками, съ условіями, при которыхъ преодолевались препятствія въ Поставахъ. Да и барьеры на конкурсахъ, устраиваемыхъ въ манежахъ, падаютъ чуть ли не отъ сквознаго вѣтра, а деревянныя кирпичи валятся отъ самаго легкаго къ нимъ прикосновенія. На школьныхъ охотахъ были твердые, неподвижныя барьеры, вѣрнѣе заборы; задѣвая за нихъ, вы пробивали брешь, но чаще всего при

этомъ либо летѣли кубаремъ съ конемъ, либо послѣдній получалъ сильный ушибъ. Шло на препятствія не десятокъ классныхъ гунтеровъ, а больше ста измученныхъ длинной скачкою строевыхъ лошадей. Заслуга школы состоитъ именно въ томъ, что она достигаетъ такихъ результатовъ съ тѣмъ же составомъ лошадей, съ которымъ въ полкахъ ничего выдающагося не удавалось показать. Да на конкурсахъ развѣ не случается еще вдобавокъ, что и эти сверхъестественные кони падаютъ, обносятся, закидываются. Что касается офицерской ѣзды, то врядъ ли гдѣ-нибудь прыгаютъ 1 арш. 10 верш.; не вездѣ прыгаютъ одинаково много, часто, а въ иномъ полку твердаго барьера и не признаютъ, ограничиваясь хворостянымъ, въ которомъ и аршина иногда не бываетъ.

Кто-то другой относился скептически къ школьнымъ охотамъ, утѣряя, что всѣ, молъ, мы ѣздимъ все лѣто, и что тамъ особенно труднаго можетъ быть въ этихъ Поставахъ! И тому я отвѣчалъ, что особеннаго тамъ ничего нѣтъ, но самое простое иногда трудно, часто неизвестно, незнакомо многимъ привычкамъ въ этомъ дѣлѣ, да и тѣмъ, которые готовы перескочить черезъ все что угодно «на словахъ!»

Кто, напримѣръ, ѣзды въ строю или на офицерской ѣздѣ, протерся когда-либо? Никто очевидно. Протираются въ полкахъ одни новобранцы и то лишь въ первое время, причемъ какъ же надъ ними изъ-за этого смѣются! Въ Поставахъ же масса ѣздоковъ протирается до крови—значитъ, работа другая, болѣе трудная, для насъ непривычная. Рейтузы винюваты, скажутъ! Да, главнымъ образомъ рейтузы, но и это свидѣтельствуетъ о томъ, что мы не умѣемъ шить или надѣвать рейтузы. Въ англійскихъ «бричахъ» не протрешься никогда—поѣдешь въ нихъ съ протертостью, и то она заживетъ. Со всякимъ можетъ понятно случиться, что онъ надѣнетъ скверныя рейтузы. Но можно ли допустить, чтобы это случилось съ 50-ю—60-ю ѣздоками въ одинъ день или, что такое же число кавалеристовъ, отправляющееся на экзаменъ полевой ѣзды, пошьетъ или возьметъ съ собою самыя отчаянныя рейтузы? Тутъ что-нибудь да не такъ! Было бы хорошо принять за образецъ кавалерійскихъ рейтузъ «бричи», а также узаконить для ѣзды, темно-коричневыя лайковыя перчатки. За границею это давно введено; въ Поставахъ разрѣшено, ибо оно практично, удобно, экономно.

Еще доказательство нашей непривычки къ полевой ѣздѣ: назначаютъ какому-то гостю лошадь, онъ ее пробуетъ, она ему не правится, ее мѣняютъ. «Она меня претъ», заявляетъ онъ, «ее передъ

барьеромъ не подынешь!!» «А эта», заявляетъ вдругъ кто-то другой, «когда я ей бросилъ или отдалъ поводъ передъ барьеромъ, повернула!» Слѣдуетъ терпѣливое объясненіе, своего рода полевая лекція, которой я уже не могъ разслышать. Будь я наставникомъ, я бы сказалъ слѣдующее: не нужно подымать лошадь передъ прыжкомъ, ибо этимъ можно только помѣшать ей; но Боже упаси отдавать или чего добраго бросать поводъ передъ препятствіемъ, въ особенности, если до этого момента крѣпко въ него вцѣпиться. Отъ такого пріема лошадь непременно повернется, а то потеряетъ равновѣсіе и упадетъ. Главное дѣло—твердая и спокойная посадка (нужно ли уклонять корпусъ назадъ или нѣтъ, это еще большой вопросъ; я этого не дѣлаю). Тогда и руки будутъ знать сами, что имъ дѣлать, а дѣлать имъ надо немного: держать голову лошади, держать ее мягко, упруго, но устойчиво, направляя коня, въ зависимости отъ его темперамента и охоты къ прыганію, болѣе или менѣе энергично. Руки надо держать низко. Во время самаго прыжка и непосредственно передъ исполненіемъ его, руки должны изображать что то вродѣ резины—буфера: лошадь попроситъ повода, эта резина растянется, если не попроситъ, то рука продолжаетъ держать голову. Еще допустимо, но все же это уже паліативъ, дать поводьямъ проскользнуть черезъ пальцы—это, во всякомъ случаѣ, лучше цука. Но никакъ не отдавать повода вдругъ передъ самимъ барьеромъ. Можно, во избѣжаніе дерганія или для пріобрѣтенія равновѣсія, прыгать совершенно безъ поводьевъ или взять ихъ съ мѣста въ одну руку совсѣмъ длинно, это другое дѣло. Но идеаль полевой ѣзды: не мѣнять ни положенія корпуса, ни напряженности повода. Лучше поцѣпиться отдалъ, чѣмъ дернуть на прыжкѣ; лучше подать корпусъ немного назадъ, чѣмъ, ставъ на стремя, нагнуться вдругъ сразу впередъ—оттого и кричатъ: *корпусъ назадъ! отдай поводъ!* Идеаль—не мѣнять ничего.

Всѣ эти наставленія, однако, совершенно бесполезны для того, кто думаетъ, что ему удастся примѣнить такой пріемъ безъ продолжительной практики въ полевой ѣздѣ. Практика главное. Двѣ, три сотни прыжковъ сами научатъ всему этому. Но многіе кавалеристы не признаютъ этого, думая, что можно совѣтами, объясненіями, наставленіями замѣнить практику и помочь ѣздящему и прыгающему мало, рѣдко, а это большая ошибка. Совѣты и объясненія бесполезны и вредны при этихъ условіяхъ, ибо они окончательно сбиваютъ человѣка съ толку.

А кто когда-либо набилъ лошадь при ѣздѣ въ строю? Вѣроятно

никто, и если и быть съ кѣмъ-нибудь этотъ грѣхъ, то врядь ли онъ пожелаетъ сознаться. Въ Поставахъ, однако, случалось. Виповаты были, главнымъ образомъ, потники, какъ раньше, при разсказѣ о потерностяхъ, рейтузы. Сама работа тоже виновата, ибо гдѣ сильная продолжительная ѣзда, тамъ безъ нагнетовъ, обжоговъ не обходится ни при тренингѣ скаковой, ни при большой гонкѣ упряжной лошади. Но, вѣроятно, виновата и непривычка къ полевой ѣздѣ!

Скажемъ еще, что умѣние ухаживать за собственнымъ коземъ, привычка осматривать его ежедневно, ощупывать сухожилия, ставить его въ проточную воду, обзавестись биптами, выучиться натирать ноги флюидомъ, биптовать ихъ — все это въ полкахъ terra incognita, потому, что тамъ работа офицерскаго копя ничтожная. Въ Поставахъ же оно является вещью необходимою, иначе конь не выдержитъ бы такой утомительной и продолжительной работы. Во время самой скачки за стаяй новички не прыгаютъ препятствій перпендикулярно, а часто вкось, дѣлая сосѣду «кресель», перѣдко также не держатъ своего разъ избраннаго ими мѣста, а скачутъ на одномъ флангѣ, послѣ чего переѣзжаютъ на другой, затѣмъ, смотришь, такой всадникъ опять ѣдетъ на другомъ мѣстѣ: то съзиди, то впереди всѣхъ, а потомъ опять съзади — отъ всего этого конь выдохнется преждевременно и гдѣ-нибудь на препятствіи полетитъ съ ѣздокомъ кверху погами.

На парфорсныхъ охотахъ легко дѣлать наблюденія и надъ характеромъ человѣка. Видъ этого спорта удается еще до извѣстной степени замаскировать свой характеръ, показаться такимъ, какимъ хочешь прослыть. Тутъ же маска падаетъ сплошь и рядомъ: скромнаго и тихаго, хорошаго и смѣлаго ѣздящаго человѣка легко отличить отъ говоруна, готоваго преодолѣть что угодно на словахъ! Для этого стоитъ только наблюдать за нимъ во время скачки и убѣдиться, согласуется ли вчерашній его разсказъ или разговоръ съ сегодняшней его ѣздою во время охоты.

Не могу умолчать о «свѣтописи», какъ называлъ фотографію весьма удачно ген. Сухомлиновъ, ибо въ кавалерійскомъ дѣлѣ безъ паденій не обходится — упасть же называется на кавалерійскомъ жаргонѣ: «снять фотографію», и можетъ произойти путаница.

Въ школѣ есть много офицеровъ, занимающихся свѣтописью, но лучший фотографъ, вышедшій давно изъ рамокъ простого любителя, это поручикъ Далматовъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и своего рода

акробатъ, такъ какъ выскакиваетъ со своимъ доньщикомъ, играющимъ роль помощника, за 2—3 минуты до начала охоты по искусственному слѣду впередъ, преодолеваетъ первое препятствіе, быстро спѣшивается и ждетъ съ наведеннымъ аппаратомъ подходящую охоту. Слѣдуютъ два, три снимка, аппаратъ уже спрятанъ въ сумку, «свѣтописцы» сидятъ на коняхъ, скачутъ впередъ, обгоняя охотниковъ и, перепрыгнувъ слѣдующее препятствіе, ждутъ васъ тамъ, гдѣ повторяется то же самое. Хорошо, если вашъ снимокъ выйдетъ удачнымъ — васъ увѣковѣчили. Но если у васъ вышло какое-нибудь недоразумѣніе: лошадь, предположимъ, сбавила ходъ, почти-что остановилась, потомъ прыгнула высоко вверхъ, съ мѣста, такъ сказать, и ваше тѣло, руки, ноги приняли менѣе эстетическое положеніе? еще хуже, если всадникъ одинъ перелетѣлъ черезъ роковую преграду, которую поручикъ Далматовъ положилъ между нимъ и его коземъ «на вѣчныя времена»! Этого ужасно боится, но разъ какъ-то отомстили фотографу-любителю: его кто-то снялъ какъ разъ на какомъ-то неудачномъ прыжкѣ. Коллекція поручика очень богата: у него есть отличныя, прямо-таки художественныя картины, но есть и масса пзображеній неудачныхъ прыжковъ и паденій. Имъ же изданъ въ прошломъ году прекрасный «альбомъ парфорсной охоты» съ изображеніемъ массы интересныхъ изъ нея сценъ. Альбомъ, который онъ предполагаетъ издать въ этомъ году, обѣщаетъ быть еще интереснѣе. Свѣтопись играетъ важную роль во всѣхъ заграничныхъ школахъ ѣзды, такъ какъ она показываетъ наглядно всѣ ошибки въ посадкѣ, управленіи, когда ѣздекъ приближается къ препятствію: держитъ ли онъ голову лошади? держитъ ли онъ кисти низко? а то лошадь расшучена, локти пошны высоко кверху и т. д. Школѣ необходимо постоянный штатный фотографъ, такъ какъ поручикъ Далматовъ уже окончилъ курсъ, а замѣнить его будетъ трудно. Въ Поставахъ слѣдовало бы имѣть непременно и кинематографъ, который могъ бы еще лучше, чѣмъ простая фотографія изобразить «всю манеру», «стиль» ѣздока во время галона и преодоленія на этомъ алорѣ препятствій. Вмѣсто аттестации можно бы выдавать ученику вѣжжку или конвертъ съ кинематографическими изображеніями его особы во время 5-й—6-й послѣднихъ охотъ! До этого хотя бы дойти за границу — почему же не опередить въ Поставахъ запада. Я уже нашелъ спеціалиста этого дѣла, заявившаго готовность прѣхать туда въ будущемъ году.

Между проходящими курсъ нашлось много музыкантовъ, играющихъ на всевозможныхъ инструментахъ; были также чудные пѣвцы:

упомануть надо также, что балалаечники школы обучены велико-тѣпно и играютъ какъ какой-нибудь оркестръ. Не забудемъ и офицера-карикатуриста, заставлявшаго насъ смѣяться до упаду. Въ полевомъ отдѣленіи школы былъ и врачъ, который оказался настоящимъ спортсменомъ и любителемъ прыганія на конѣ, что давало ему возможность скакать, не отставая, за охотою и быть тутъ же подъ рукою, когда медицинская помощь оказывалась пужною. Докторъ Николай Николаевичъ Войцеховичъ прямо-таки созданъ для школы—по судьба въ насмѣнку всею сдѣлала его врачомъ пѣхотнаго полка и его прикомандировываютъ на эти два мѣсяца къ школѣ, гдѣ онъ смѣло могъ бы поспорить съ инымъ кавалеристомъ.

Въ Поставахъ было четыре скаковыхъ дня (митинга), съ устройствомъ въ эти же дни конкурсовъ. Самый блестящій митингъ состоялся во время пребыванія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича. Чудное тѣнистое мѣсто, окаймленное съ трехъ сторонъ лѣсомъ, выбрано очень удачно для этой цѣли. Построено много довольно серьезныхъ, самыхъ разнообразныхъ пренятствій, воздвигнуто четыре трибуны. Около 11-ти часовъ утра начали появляться состязавшіеся, масса конныхъ и пѣшихъ зрителей. Прибыли владѣльцы имѣнія и семьи нѣсколькихъ окрестныхъ помѣщиковъ. Школьная тройка, «форъ-инъ-хендъ» парфорснаго общества, нѣсколько экипажей, запряженныхъ четверками или пятерками цугомъ—все это напоминало до нѣкоторой степени провинціальныя скаковой митингъ въ Англійи. На одной изъ трибунъ занято мѣсто больше 20-ти красивыхъ молодыхъ барышень—это, такъ называемыя, «сушилки», т. е. ученицы, а выражаясь по мѣстному «практикантки» поставской школы садоводства, гдѣ сушеніе овощей составляетъ главное занятіе, специальность. Кромѣ этихъ «сушилокъ», любители женской породы могли наслаждаться видомъ еще нѣсколькихъ красавицъ. Гдѣ процвѣтаютъ скачки, вообще спортъ, съ неизбежной при этомъ борьбою, тамъ необходимы зрители, публика, дамы—все это придаетъ большіе интереса дѣлу, подбадривая и состязавшихся: это сознавали уже хорошо въ древнемъ Римѣ.

Въ заключеніе скажу, что, насколько я могъ замѣтить, поному этому полевому отдѣленію школы и спортивному центру сочувствуетъ далеко не вся наша конница. Сочувствіе это выразилось бы записываніемъ большаго числа кавалеристовъ въ члены парфорснаго общества. Посѣтителей набралось въ этомъ году довольно-таки много, въ числѣ ихъ было и два полевыхъ командира. Некоторыя

части увольняли офицеровъ въ Поставы весьма охотно, въ другихъ выхлопотать себѣ отпускъ туда, даже на самый короткій срокъ, было не легко, а въ иныхъ прямо-таки отказывали. Надо полагать, что парфорсная охота сдѣлается болѣе популярною, когда осуществится проектъ устройства въ Варшавскомъ и Кіевскомъ округахъ центральныхъ стай:—для Виленскаго сами Поставы замѣняютъ уже теперь центральную стай: туда командировуютъ молодыхъ офицеровъ на два мѣсяца, по 16-ти отъ каждой дивизіи.

Это учрежденіе критикуется нѣрѣдко въ строевой средѣ—критики нашлись и между участниками этого года. Случалось, что кто-нибудь разжалобится надъ козломъ: «помидуйте», говорить, «загаиваютъ это несчастное животное, собаки рвутъ его въ куски, а я буду еще прикалывать его...» Не стану утверждать, что быть съвѣченными 20-ю собаками послѣ 15-ти-верстной скачки и покончить подъ пожомъ можно признать самой завидной долею! Но этотъ уголъ ускоряетъ смерть, съ наступленіемъ которой, какъ извѣстно, прекращаются всякія жизненныя физическія, и даже нравственныя страданія. Коню, попавшему подъ старость лѣтъ къ польскому жиду несравненно хуже: онъ испытываетъ непрерывныя продолжительныя страданія. Миліоны раковъ, которыхъ повара бросаютъ ежедневно въ холодную воду, нагрѣвая ее съ ними вмѣстѣ постепенно до кипѣнія, проходятъ ужасныя муки, но они такъ вкусны, что мы ихъ ѣдимъ съ удовольствіемъ. Отчего ихъ не бросаютъ сразу въ кипятокъ? Да, такъ уже полагается, если желать, чтобы были вкусны! Не продавайте никогда стараго коня-калъку еврею или татарину! Не кушайте раковъ! Плачьте надъ бифштексомъ! Почему же одинъ козелъ разжалобитъ васъ, а не угорь, напримѣръ, котораго обдираютъ живого со шкуры, а онъ все живетъ, и живетъ;—живетъ и тогда еще, когда его, послѣ содранной кожи опускаютъ въ банку съ солью и такъ и оставляютъ нѣкоторое время—да, по онъ вѣдь превкусное блюдо, а козелъ цѣлъ—вотъ въ чемъ дѣло!

Большинство участниковъ поставскихъ полевыхъ занятій шестидесяти года унесло самыя лучшія воспоминанія съ собою, а состоящіе любители коннаго дѣла врядъ-ли когда-нибудь, гдѣ-нибудь, проведутъ такъ хорошо, весело и съ пользою для себя два лѣтнихъ мѣсяца. Нельзя не пожелать полнаго благоуспѣхія этому молодому, здоровому учрежденію, задача котораго быть двигателемъ нашей конницы.

Въ ближайшемъ будущемъ опишу мое пребываніе на парфорсной охотѣ въ имѣніи «Антонины» Волынской губерніи, куда я по приглашенію владѣльца этого имѣнія графа I. А. Потоцкаго, гостившаго у генерала Брусилова въ Поставахъ, отправился прямо оттуда по окончаніи командировки. Это описаніе составить, смѣю думать, не лишнее интереса приложеніе или дополненіе къ настоящей замѣткѣ. О грандіозности охоты въ Антонинахъ, я и самъ не имѣлъ представленія.

Ж. Вольфъ.

